

№ 142 «Об утверждении Инструкции по организации исполнения наказаний и мер уголовно-правового характера без изоляции от общества» [3].

Регламентация порядка и условия исполнения наказания в виде запрета управления транспортным средством обозначена в указанной Инструкции. Следует не путать наказание с запретом, который возлагается судом в качестве меры пресечения.

При исполнении данного запрета как вида уголовного наказания водительское удостоверение изымается. В качестве контроля за запретом управления транспортным средством проводятся проверки со стороны федеральных органов исполнительной власти. По ежеквартальному запросу в центр видеофиксации ГИБДД инспектор проверяет наличие нарушений дорожного движения и управления транспортным средством, зарегистрированным на обвиняемого. При установлении факта нарушения – берет письменное объяснение с осужденного и не засчитывает в срок наказания время, в которое осужденный нарушил данный запрет.

Запрет управления транспортным средством в качестве меры пресечения контролируется следователем, дознавателем, либо сотрудниками ГИБДД. При задержании лица, управляющим транспортным средством, в отношении которого судом наложен запрет на управление, сотрудниками ГИБДД данное лицо будет привлечено к административной ответственности за управление транспортным средством без водительского удостоверения. При установлении факта нарушения суд по представлению следователя может заменить меру пресечения на более строгую.

Проанализировав контроль за исполнением меры пресечения в виде запрета управления транспортным средством, можно сделать вывод: имеющийся контроль со стороны правоохранительных органов не является эффективным, и установить факт его нарушения является проблематичным. Следует также учитывать, что не всегда полученная информация из центра видеофиксации ГИБДД свидетельствует о том, что управление транспортным средством осуществлялось подозреваемым, обвиняемым, имеют место быть случаи, когда одним транспортным средством могут управлять и другие лица, имеющие на это право.

Предлагаем внести изменения и усовершенствовать ч. 11 ст. 105.1 УПК РФ, в части, касающейся контроля за соблюдением запретов, а именно контроль за соблюдением запрета (и остальных запретов) на управление транспортным средством возложить на федеральные органы исполнительной власти, осуществляющие функции по контролю и надзору в сфере исполнения уголовных наказаний в отношении осужденных, в целях более эффективного контроля со стороны правоохранительных органов, тем самым систематизировать запреты и отнести их контроль к одному органу.

Таким образом, вывод: меры пресечения, не связанные с лишением свободы, имеют достаточно давнюю историю. Кроме того, они содержат в себе значительный потенциал для контроля поведения лица, привлеченного к уголовной ответственности. Мера пресечения в виде запрета управлять автомобилем или иным транспортным средством является действенным инструментом профилактики преступлений в сфере безопасности дорожного движения.

1. [Электронный ресурс]. – URL: https://epp.genproc.gov.ru/web/proc_11/activity/legal-education/explain?item=66869844 (дата обращения: 20.10.2022).

2. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 № 174-ФЗ : принят Гос. Думой 22 нояб. 2001 г. (ред. от 18.02.2020 г.) // Собр. законодательства Рос. Федерации. – 2001. – № 52 (ч. 1). – Ст. 4921 ; 2020. – № 8. – Ст. 919.

3. Об утверждении Инструкции по организации исполнения наказаний и мер уголовно-правового характера без изоляции от общества : приказ Минюста России, 20 мая 2009 г., № 142, № 5 // Ведомости уголов.-исполн. системы. – 2012. – № 4.

УДК 343

В.А. Шиплюк, Д.В. Саяпина

НАЛОЖЕНИЕ АРЕСТА НА ИМУЩЕСТВО «ТРЕТЬИХ» ЛИЦ В ЦЕЛЯХ ОБЕСПЕЧЕНИЯ ГРАЖДАНСКОГО ИСКА В УГОЛОВНОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ

В юридической науке существуют межотраслевые институты, находящиеся на стыке частного и публичного права, которые вызывают трудности в правоприменении в связи со сложностью нахождения баланса между публичными и частными интересами [1, с. 144]. В частности, таким институтом является институт гражданского иска в уголовном процессе.

У правоприменителей часто возникают проблемы толкования законодательных норм при решении вопроса о применении в качестве обеспечительной меры по гражданскому иску в уголовном процессе наложения ареста на имущество «третьих» лиц. В данном институте затрагивается частный интерес (защита вещных прав лиц) и публичный (обеспечение интересов правосудия, сохранности вещественных доказательств, обеспечение возможной конфискации имущества) [2, с. 141].

Часть 3 ст. 115 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (УПК РФ) [3] устанавливает возможность наложения ареста на

имущество, «находящееся у других лиц, не являющихся подозреваемыми, обвиняемыми или лицами, несущими по закону материальную ответственность за их действия». Данная норма закрепляет возможность наложения ареста на следующее имущество:

находящееся у других лиц, однако принадлежащее на праве собственности подозреваемому, обвиняемому, гражданскому ответчику;

находящееся у «третьих» лиц и принадлежащее им на законных правах. Для данной ситуации в действующем законодательстве предусмотрено специальное правовое регулирование, в частности ст. 115.1 УПК РФ. В ч. 1 указанной статьи используется такой конкретизирующий термин, как «имущество лиц, указанных в части третьей статьи 115».

Вторая ситуация влечет за собой появление такой проблемы, как неопределенность процессуального статуса «третьих» лиц. Проводя сравнение между гражданским процессом и уголовным, на стыке которых и находится институт гражданского иска, можно прийти к выводу о том, что если в гражданском процессе существует такое понятие, как «третье лицо» (ст. 42–43 Гражданского процессуального кодекса РФ) [4], то в действующем УПК РФ такой процессуальный статус отсутствует. Таким образом, отсутствие нормативного закрепления такого процессуального статуса в уголовном процессе значительно осложняет производство по делу и не позволяет таким лицам полностью реализовать свое право на судебную защиту.

Помимо этого, такая неопределенность процессуального статуса лиц, на чье имущество может быть наложен арест по заявленному гражданскому иску, порождает за собой нарушение конституционных прав гражданина, прежде всего права собственности.

Для защиты прав «третьих» лиц в уголовном процессе суды наделяют таких лиц рядом правомочий. Например, согласно п. 20 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 13 октября 2020 г. № 23 [5] участники судебного разбирательства, чьи интересы затрагиваются гражданским иском, предоставляется возможность выразить по нему свою позицию и представить в случае необходимости относящиеся к иску дополнительные материалы, предоставляется право участвовать в судебном заседании (ч. 4 ст. 115.1 УПК РФ), обладают правом обжаловать решения, принятые в связи с арестом (ч. 8 ст. 115 УПК РФ), и правом на возмещение имущественного вреда, причиненного нарушением разумного срока применения данной меры процессуального принуждения (ч. 1 ст. 1 Федерального закона Российской Федерации от 30 апреля 2010 г. № 68-ФЗ) [6].

Тем не менее на практике возникает немало вопросов о применении и продлении обеспечительной меры в виде ареста имущества, находя-

щегося у других лиц, не являющихся подозреваемыми, обвиняемыми или лицами, несущими по закону материальную ответственность за их действия в частности. Для разрешения таких вопросов следует обратиться к позициям Конституционного Суда Российской Федерации:

1. Конституционный Суд Российской Федерации указал на то, что изъятие в рамках уголовного дела имущества (в том числе в виде наложения на него ареста или признания его вещественным доказательством с таким определением режима хранения, который ограничивает право владения и пользования имуществом), находящегося у лиц, не являющихся подозреваемыми, обвиняемыми может иметь лишь временный характер [7], поскольку сохранение ареста имущества в случаях приостановления предварительного следствия на неопределенный срок не согласуется с принципом презумпции невиновности [8] (в дальнейшем эта правовая позиция была развита в других решениях Конституционного Суда Российской Федерации и в конечном счете получила реализацию в ст. 115.1 УПК РФ).

2. В случае если арест был наложен с публично-правовой целью на имущество лица, которое не является подозреваемым, обвиняемым и не привлекается по уголовному делу в качестве гражданского ответчика, то суд при оценке возможности его продления должен установить следующее: арестованное имущество является вещественным доказательством по делу; ситуация является неотложной, и наложение ареста позволит обеспечить предполагаемую конфискацию имущества или сохранность имущества; наличие достаточных, подтвержденных доказательствами оснований полагать, что имущество было получено в результате преступных действий подозреваемого, обвиняемого либо использовалось или предназначалось для использования в качестве орудия преступления, либо для финансирования преступной деятельности [9].

3. Наложение ареста на имущество «третьих» лиц, которые не обладают процессуальным статусом, в целях обеспечения гражданского иска не является допустимым и нарушает конституционное право человека и гражданина на неприкосновенность частной собственности. В таком случае необходимо привлечь лицо в качестве гражданского ответчика собственника имущества [10].

Конституционный Суд Российской Федерации в своих решениях разделяет возможность наложения и продления ареста на имущество «третьих» лиц в зависимости от преследуемой цели и определяет критерии для этого.

Таким образом, судам при разрешении вопросов, связанных с арестом имущества «третьих» лиц, в целях обеспечения гражданского иска

в уголовном деле следует руководствоваться данными позициями Конституционного Суда Российской Федерации, однако в дальнейшем требуется внести соответствующие изменения, регламентирующие такие вопросы, в УПК РФ. В частности, предлагается предусмотреть нового участника уголовного судопроизводства – «Третьи лица, чьи интересы затрагиваются гражданским иском», закрепив в УПК РФ их процессуальные права и обязанности, порядок и основания наделения их соответствующим процессуальным статусом.

1. Лыга, А.П. Соотношение публичных правовых и частных правовых интересов при применении мер уголовно-процессуального принуждения имущественного характера / А.П. Лыга // Вестн. Вост.-Сиб. ин-та МВД России. – 2022. – № 2. – С. 42–58.

2. Новикова, Ю.Г. Гражданский иск в уголовном процессе как правовой институт, имеющий двойственную юридическую природу / Ю.Г. Новикова // Правовое государство: теория и практика. – 2019. – № 2 (56). – С. 140–146.

3. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации [Электронный ресурс] : 18 дек. 2001 г., № 174-ФЗ : в ред. от 07.10.2022 г. // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 12.11.2022).

4. Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации [Электронный ресурс] : 14 нояб. 2002 г., № 138-ФЗ : в ред. от 07.10.2022 г. // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 12.11.2022).

5. О практике рассмотрения судами гражданского иска по уголовному делу [Электронный ресурс] : постановление Пленума Верхов. Суда Рос. Федерации, 13 окт. 2020 г., № 23 // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 12.11.2022).

6. О компенсации за нарушение права на судопроизводство в разумный срок или права на исполнение судебного акта в разумный срок [Электронный ресурс] : Федер. закон Рос. Федерации, 30 апр. 2010 г., № 68-ФЗ : в ред. от 11.06.2022 г. // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 12.11.2022).

7. По жалобе гражданки Немецковой Татьяны Анатольевны на нарушение ее конституционных прав подпунктом «а» пункта 1 части второй статьи 82 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации [Электронный ресурс] : определение Конституц. Суда Рос. Федерации, 14 мая 2015 г., № 1127-О // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 12.11.2022).

8. По делу о проверке конституционности положений частей первой, третьей и девятой статьи 115, пункта 2 части первой статьи 208 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации и абзаца девятого пункта 1 статьи 126 Федерального закона «О несостоятельности (банкротстве)» в связи с жалобами закрытого акционерного общества «Недвижимость-М», общества с ограниченной ответственностью «Соломатинское хлебоприемное предприятие» и гражданки Л.И. Костаревой [Электронный ресурс] : постановление Конституц. Суда Рос. Федерации, 31 янв. 2011 г., № 1-П // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 12.11.2022).

9. По делу о проверке конституционности части первой статьи 73, части первой статьи 299 и статьи 307 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданки И.В. Янмаевой [Электронный ресурс] : постановление Конституц. Суда Рос. Федерации, 17 апр. 2019 г., № 18-П // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 12.11.2022).

10. Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Зеленова Алексея Александровича на нарушение его конституционных прав абзацем четвертым статьи 3 Федерального конституционного закона «О судебной системе Российской Федерации», частью первой статьи 1, частями первой и второй статьи 7, статьей 389.15, частью первой статьи 401.15 и частью первой статьи 412.9 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации [Электронный ресурс] : определение Конституц. Суда Рос. Федерации, 29 окт. 2020 г., № 2591-О // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 12.11.2022).

УДК 343.1

Д.С. Ястреб, Н.В. Анюховская

ПРОБЛЕМЫ ЗАКОНОДАТЕЛЬНОЙ РЕГЛАМЕНТАЦИИ ПРАВ АДВОКАТА СВИДЕТЕЛЯ В УГОЛОВНОМ ПРОЦЕССЕ

Обеспечение прав и свобод граждан является высшей целью каждого государства. Этот принцип имеет закрепление на конституционном уровне и выступает фундаментом для постоянного совершенствования законодательства в сфере реализации данных прав и свобод, в том числе и в уголовном процессе. Уголовно-процессуальная деятельность, в свою очередь, базируется на таком основополагающем положении, как принцип защиты прав и свобод личности. В целях обеспечения прав и свобод граждан, получения правовой помощи, наряду с развитой системой правоохранительных органов и судов, действует специальный институт – адвокатура.

В действующем Уголовно-процессуальном кодексе Республики Беларусь (далее – УПК Республики Беларусь) адвокат выступает в трех статусах: как защитник, как представитель потерпевшего и как адвокат свидетеля.

Статья, предусматривающая участие адвоката в уголовном процессе в качестве свидетеля, не так давно действует, а именно с января 2018 г. Закрепление в УПК Республики Беларусь такой статьи свидетельствует о приверженности государства принципу защите прав и законных интересов всех участников уголовного процесса.

Однако, несмотря на положительную оценку подобных изменений с точки зрения гуманизации и развития уголовного процесса, данная статья все еще нуждается в совершенствовании.